

УДК 82-31

DOI 10.30914/2072-6783-2025-19-3-415-423

НОМИНАЦИЯ МАСКА ‘МЕДВЕДЬ’ И ЕЕ ФУНКЦИИ КАК ОБЪЕКТА СРАВНЕНИЯ В МАРИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ю. В. Полякова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена рассмотрению зооморфных сравнений в качестве объекта сравнения в произведениях марийской литературы. В центре исследования находится образ *маска* ‘медведь’. На материале Национального корпуса марийского языка были отобраны и проанализированы компаративные конструкции, в которых субъектом сравнения выступают лексемы, обозначающие человека. В статье рассматривается их классификация на основе лексико-семантического распределения. **Цель статьи** – изучить зооморфные сравнения в марийском языке и на основе их анализа охарактеризовать номинацию *маска* ‘медведь’ в качестве объекта сравнения с точки зрения лингвокультурологии. **Материалы и методы исследования.** Материалы взяты из Национального корпуса марийского языка. Применены методы сплошной и частичной выборки, лингвистического описания, компонентного и семантического анализа, сопоставительный метод. **Результаты исследования, обсуждения.** В работе проведен анализ компаративных образов в фольклорных материалах и текстах художественного стиля. В ходе исследования было установлено, что они позволяют осуществить семантическое описание языка, в результате которого высвечиваются особенности сознания марийского народа. В марийском языке при сравнении кого- или чего-либо с медведем наиболее часто основанием сравнения выступают признаки, связанные с миром человека. В марийской языковой картине мира медведь воплощает в себе трудолюбие, физическую силу, отличается особенностями в поведении, в движении (неуклюжесть, косолапость). К образу медведя писатели прибегают для индивидуальной характеристики в описании роста и телосложения персонажей. Авторы художественных произведений используют этот образ для описания эмоций негативного характера, таких как злость, бешенство, недружелюбное и отчужденное отношение к социуму. **Заключение.** Медведь – это один из основных персонажей марийского фольклора в традиционном мировоззрении марийского народа. Характеристика зооморфизмов в марийском языке имеет большой потенциал для выявления в языке культурных кодов и для их расшифровки.

Ключевые слова: марийский язык, лингвокультурология, культурный код, образные сравнения, зооморфное сравнение, объект сравнения, медведь

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Полякова Ю. В. Номинация *маска* ‘медведь’ и ее функции как объекта сравнения в марийской лингвокультуре // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 3. С. 415–423. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-3-415-423>

THE NOMINATION OF THE MASKA ‘BEAR’ AND ITS FUNCTIONS AS AN OBJECT OF COMPARISON IN MARI LINGUOCULTURE

Yu. V. Polyakova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the consideration of zoomorphic comparisons as an object of comparison in the works of Mari literature. The image of the “bear” mask is at the center of the study. Comparative constructions in which lexemes denoting a person are the subject of comparison were selected and analyzed based on the material of the National Corpus of the Mari language. The article discusses their classification based on lexico-semantic distribution. **The purpose** of the article is to study zoomorphic comparisons in the Mari language and, based on their analysis, characterize the nomination of the maska ‘bear’ as an object of comparison from the point of view of linguoculturology. **Materials and methods of research.** The materials are taken from the National Corpus of the Mari language. The methods of continuous and partial sampling, the method of linguistic description, the method of component analysis, the method of semantic analysis, and the comparative method are applied. **Research results, discussions.** The paper analyzes comparative images in folklore materials and texts of artistic style. In the course of the research, it was found

that they allow for a semantic description of the language, as a result of which the peculiarities of the consciousness of the Mari people are highlighted. In the Mari language, when comparing someone or something with a bear, the most common basis for comparison is signs related to the human world. In the Mari language picture of the world, a bear embodies diligence, physical strength, and is distinguished by peculiarities in behavior and movement (clumsiness, clubfoot). Writers resort to the image of a bear for individual characteristics in describing the height and physique of the characters. The authors of works of fiction use this image to describe negative emotions, such as anger, rage, unfriendly and alienated attitude towards society. **Conclusion.** The bear is one of the main characters of Mari folklore in the traditional worldview of the Mari people. The characterization of zoomorphisms in the Mari language has great potential for identifying cultural codes in the language and for deciphering them.

Keywords: Mari language, linguoculturology, cultural code, figurative comparisons, zoomorphic comparison, object of comparison, bear

The author declares no conflict of interest.

For citation: Polyakova Yu. V. The nomination of the *maska* 'bear' and its functions as an object of comparison in Mari linguoculture. *Vestnik of the Mari State University*, 2025, vol. 19, no. 3, pp. 415–423. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-3-415-423>

Введение

В настоящем исследовании рассматриваются зооморфные сравнения с лексемой *maska* 'медведь' в качестве объекта сравнения на материале Национального корпуса марийского языка, в котором обнаружены более 4000 словоупотреблений с основой *mask(a)* 'медведь'. В контексте исследования были отобраны и проанализированы компаративные конструкции, в которых субъектом сравнения выступают лексемы, обозначающие человека.

Актуальность данной работы определяется несколькими факторами. Вопрос о сравнении как языковой единице, которая дает новую информацию об окружающей действительности на основе уже известных читателям образов, уже давно интересует лингвистов. В. В. Виноградов указывал, что сравнение – это логический прием, с помощью которого устанавливается сходство и различие предметов, явлений объективного мира. Ученый считал, что сравнение обладает особой семантической и логической структурой, которая обусловлена его компаративным значением. В лингвистическом отношении сравнение представляет собой сложное единство значимых элементов, их особую организацию, т. е. модель или структуру¹. В процессе изучения зооморфного сравнения в марийской языковой картине мира его когнитивная сущность рассматривается

нами как один из способов познания окружающего мира и как средство, помогающее оценить человеческие качества с помощью образа *maska* 'медведь'. Интерес к природе, растительному и животному миру постоянно растет в современном обществе. Анализ проявления отношений «человек – животное» в языке, культуре не только позволяет осознать неразрывность связей человека с живым миром природы, но и способствует сохранению и передаче знаний от поколения к поколению.

Цель данного исследования – изучить зооморфные сравнения в марийском языке и на основе их анализа охарактеризовать номинацию *maska* 'медведь' в качестве объекта сравнения с точки зрения лингвокультурологии.

Материалы и методы

Иллюстрации извлечены из Национального корпуса марийского языка – информационно-справочной системы, основанной на собрании марийских текстов устного народного творчества и художественного стиля в электронной форме². Метод сплошной и частичной выборки использовался при сборе языковых единиц. Метод лингвистического описания реализован в приемах систематизации, обобщения и интерпретации языкового материала. Метод компонентного

¹ Виноградов В. В. Стилистика. Поэтика. Теория поэтической речи. М.: Просвещение, 1963. С. 6–31.

² Корпус марийского языка. URL: <https://corp.marii.ru/> (дата обращения: 04.04.2025).

анализа применен в целях выявления значений языковых единиц через выделение сем. Метод семантического анализа помог выявить культурно-специфичные особенности словарного состава. Сопоставительный метод позволил найти их сходства и различия.

Теоретическую основу классификации по лексико-семантическим группам составили труды Е. В. Шелестюк, Т. Е. Залевской и П. М. Зеккиевой [1; 2].

Исторический опыт взаимодействия с окружающей средой помог человеку путем ассоциаций выделить зооморфные сравнения. Понятие «зооморфное сравнение» было зафиксировано в русском языкознании в работах, относящихся к 80–90-м годам прошлого столетия. Это явление изучалось такими лингвистами, как А. В. Кунин¹, В. В. Виноградов², А. И. Смирницкий³, которые в своих работах рассматривали вопросы употребления зооморфизмов для выражения оценочных значений. Современные авторы Е. К. Луконина⁴, Г. С. Григорьева⁵ выдвинули идею о том, что перенос названий животных на человека и объекты реального мира – это универсальный способ выражения оценочных значений. Зарубежные ученые Л. П. Смит⁶, К. Бассо⁷, Дж. Лакофф, М. Джонсон⁸, Р. Соммер, Б. Соммер⁹ занимались изучением роли метафор и рассматривали их на

основе номинаций животных, которые используются для описания человека [3].

Зооморфные сравнения представляют собой уподобление объекта речи понятию, связанному со стереотипом восприятия какого-нибудь животного, характеризуемым аксиологической и эмоциональной оценкой [4]. Этот тип сравнения имеет в своей семантике компонент, связанный с животным миром. При сравнении человека и животного человеку приписываются свойства, которые характерны для животных. Основаниями для подобного сравнения могут служить особенности внешнего облика и поведения, специфические признаки: цвет, характер движений, особенности фигуры и частей тела¹⁰.

Отражая народный взгляд на мир, языковую картину мира сельского жителя, зооморфные сравнения демонстрируют характер проявления языкового творчества носителей диалектной речи. Такие сравнения имеют этнокультурную маркированность [5, с. 129], обладают ценной культурологической информацией и наделены богатым дидактическим потенциалом. Знание зооморфных выражений изучаемой лингвокультуры позволяет лучше понять менталитет носителей языка, их культуру и национальную картину мира [6].

В ходе работы был проведен анализ образных сравнений с лексемой *маска* ‘медведь’ с опорой на предложенную В. М. Огольцевым структуру сравнения, которая включает в себя три компонента: «субъект», «объект», «основание сравнения», т. е. то, что сравнивается, то, с чем сравнивается и то, на основании какого общего признака происходит сравнение первых двух¹¹. В качестве объекта сравнения в данной статье анализируется лексема *маска* ‘медведь’, субъектом выступает лексема *айдеме* ‘человек’. В выбранных для исследования компаративных конструкциях основание сравнения – это внешний вид или внутренние качества человека.

В марийском языке сравнительные конструкции представлены видами конструкций с микрополем равенства и с немаркированными сравнительными конструкциями [7]. В обнаруженных нами моделях они распределяются по нескольким

¹ Кунин А. В. Пути образования фразеологических единиц // Иностранные языки в школе. 1971. № 1. С. 15–18.

² Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. 425 с.

³ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Литература на иностранных языках, 1986. 260 с.

⁴ Луконина Е. К. Идиоматическая фразеология в языке и речи: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 159 с.

⁵ Григорьева Г. С. Фразеологические единицы с зоонимами в аспекте теории номинации: (10.02.04): (На материале современ. англ. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985. 16 с.

⁶ Smith L. P. Words and idioms; studies in the English language / Logan Pearsall Smith. Ann Arbor, Michigan: Gryphon Books, 1971. 299 p.

⁷ Basso K. H. ‘Wise Words’ of the Western Apache: Metaphor and Semantic Theory // Meaning in Anthropology. Albuquerque, 1976. Pp. 119–146.

⁸ Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

⁹ Sommer R., Sommer B. A. Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality // Anthrozoös: A multidisciplinary journal of the interactions of people and animals. 2011. № 24 (3). Pp. 237–248.

¹⁰ Квятковский А. П. Сравнение // Поэтический словарь. М.: Сов. Энцикл. 1966. С. 280–282.

¹¹ Огольцев В. М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Сыктывкар, 1974. 370 с.

лексико-тематическим группам, которые в марийском языке являются малоисследованными. Среди этих групп отметим наиболее часто используемую авторами когнитивно-семантическую группу, конкретнее – это натуроморфную или анималистическо-флористическую (растительный или зооморфный объект), где компаративные образы предполагают, что человека или какой-то предмет характеризуют путем сравнения с явлениями природы, живыми существами. Типологическое исследование такого пласта в марийском языке способствует выявлению общих и индивидуальных особенностей человека и природы, описанию национального облика, менталитета, этических и нравственных норм марийского народа.

В древний исторический период животные являлись посредниками, регулирующими отношения людей с природой. Почитание медведя у финно-угров восходит еще к прауральской эпохе. Медведь как главный тотем финно-угров считался родоначальником племен. Многие финно-угорские народы почитали медведя как сына верховного бога. По внешним характеристикам медведь у финнов ассоциировался с человеком, который превратился в данного животного, поэтому считалось, что он понимал человеческую речь и мог угадывать его мысли [8].

Марийцы, особенно проживающие в лесных районах, издавна почитали медведя как хозяина леса. В произведениях марийского фольклора есть сюжеты, рассказывающие о сожительстве марийских женщин с медведями. А в легендах отражается архаическая идея магического содействия зверя плодородию, позже превратившая медведя в покровителя семейно-брачных отношений. С развитием хозяйства у марийцев культ медведя претерпевал некоторые изменения. Образ медведя стали связывать с почитанием солнца и все сильнее с идеей плодородия. Медведя считали также божеством-покровителем и охранителем [9, с. 42–45]. Специалист по марийскому фольклору и мифологии В. А. Акцорин в своих научных работах отмечает, что медведь – это отражение силы человека¹.

Анализ компаративных образов в фольклорных текстах позволяет осуществить семантическое описание народного языка, в результате ко-

торого высвечиваются особенности сознания марийского народа. Медведь – символ силы и в целом он главное существо марийского леса: *Маскам кучен улмаш, да маска шкенжым кучен*. ‘Он медведя поймал, оказывается, да медведь его самого’; *Маска шке вынемьштыже патыр*. ‘Медведь в своей берлоге силач’; *Маска виян, да тудымат кучат*. ‘Силен медведь, да ведь и его ловят’; *Маска деч посна чодырат чодыра огыл*. ‘Без медведя и лес не лес’².

Воспринимая окружающий мир, народ через язык создает культурный код, воплощая в нем систему ценностей. По В. А. Масловой, язык – это «культурный код нации, а тексты выступают истинными хранителями культуры, так как представляют собой набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, ассоциации» [11].

Результаты и обсуждения

Компаративные конструкции, в которых в качестве объекта сравнения выступает лексема *маска* ‘медведь’, извлеченные из Национального корпуса марийского языка, представлены устойчивыми и свободными сочетаниями. В данной статье анализу подвергнуты как фразеологические сочетания, так и свободные словосочетания с индивидуально-авторскими сравнениями.

Устойчивые сравнения, будучи воспроизводимыми, извлекаются из памяти как готовые языковые единицы, целостные по значению и устойчивые по составу и структуре. Так, постоянное сравнение *маска лук* ‘медвежий угол’, имеет значение «отдаленное малонаселенное место; глушь, захолустье» и в словаре марийской фразеологии дается с пометами разговорное, ироничное³. Используется для характеристики, обычно отрицательной, местности: *Только мемнан ял, кернакак, маска лук гаяк: Йошкар-Ола гыч мемнан деке газет арня гыч иже толын шуэши, Москва гычше кок арня вонча ала-мо*. С. Чавайн. ‘Только наша деревня и правда точно медвежий угол: из Йошкар-Олы газеты до нас доходят лишь через неделю, а из Москвы

² Ибатов С. И. «Пословицы и поговорки марийского народа». Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1953. 88 с.

³ Марийско-русский фразеологический словарь : в 2 т. / авт.-сост.: Е. М. Андрианова, Л. И. Барцева, Ф. Т. Грачева и др.; науч. ред. Л. И. Барцева, Н. М. Краснова, Г. А. Эрцикова и др. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2020.

¹ Акцорин В. А. Прошлое марийского народа в его эпосе / под ред. докт. филол. наук Н. В. Морохина. Саров : Альфа, 2000. 87 с.

через две недели, что ли»; *Илашыит совхоз волькык ончышо-влакын пörтыштыит пöлемым ойырыш. Маска лук семын тыште пашазе кид эре ситен огыл. Икте толын, весе каен.* М. Илибаева. 'Для их проживания совхоз выделил помещение в доме животноводов. **Как в медвежьем углу**, здесь всегда не хватало рабочих рук. Один пришел, другой ушел'.

Постоянное сравнение *маска вынем* 'медвежья берлога / яма' имеет такое же значение и в текстах художественного стиля используется для характеристики темного, глухого места: *А иленже кочам Ёлыл Красногорко манмаште, эшеат иктаж ныл-вич менге улнырак, маска вынем гай пич чодыраште.* А. Александров-Арсак. 'А жил мой дед в так называемой Нижней Красногорке, еще верстах в четырех-пяти ниже, в глухом, **как медвежья берлога**, лесу'.

Писатели расширяют значение фразеологизма, используя его для обозначения неизведанного, неизвестного. Так, В. Юксерн с помощью устойчивого сравнения характеризует душу человека: *Тидым Николай Павловичлан шотыш налаш логалын, поснак кунам туйкаште косатале пелаш учызö-влак улыт, ужсын ит шукто-я, тунамак аяр умдыштым керыт, вет ег чон – маска вынем.* В. Юксерн. 'Это приходилось учитывать Николаю Павловичу, особенно когда в толпе находятся мстители, которые, не заметь их, тут же вонзают свои ядовитые жала, ведь чужая душа – **медвежья берлога**'.

Примечательно, что данный фразеологизм характеризует состояние природы, что также не отмечено в словаре: *Южгунам пыл лапчыкын эртен кайымыже ижургылан палынак ишжалтеш. Куйнат, улнат – чылт маска вынем: нимат огеи кой! Шенгеч кұзышö Кандалин Мишан йолжым туйкалтыш.* В. Юксерн. 'Иногда прохождение облачка заметно чувствуется на лице. И вверху, и внизу – **точно медвежья берлога**: ничего не видно! Поднявшийся сзади Кандалин постучал Мишину ногу'. Такое употребление сравнения можно считать индивидуально-авторским. Они возникают в результате творческого поиска авторами средств точного и яркого выражения мысли.

В анализируемых нами примерах из Национального корпуса марийского языка обнаружены конструкции, в которых представлены субъект, объект и основание сравнения и конструкции, где основание сравнения не названо.

В марийском языке при сравнении кого- или чего-либо с медведем наиболее часто употребляются названия, связанные с миром человека, а именно сам человек или группа людей: описанию подвергаются характер, внешность, физическое или эмоционально-психическое состояние.

Конструкции, в которых субъект, объект и основание сравнения представлены в прозрачной форме, актуализируют признак объекта сравнения сразу без углубления в контекст, например, *Öрдыжеширак, окоп тўреш, верланьыше заряджающий ике лўмжым колын шукта, лопка умишаж гыч сур шикшыым луктын, маска гай топката капышге тудын вельш савырна.* П. Корнилов. 'Расположившийся поодаль, на краю окопа, заряджающий, услышав свое имя, выпускает из широкого рта серый дым и поворачивается к нему коренастой, **как медведь**, фигурой'.

Для анализа конструкций с имплицитным основанием сравнения необходим более широкий контекст, например, *Тудын вачыж мартеат ом шу да. Шоненам, Эштыган чўчў калык ончылан йодмемлан лўмынак тиде маска гане марийым конден.* А. Арзайн. 'Я даже и до плеч его не достаю. Думал, дядя Эштыган специально для того, чтобы я спросил его перед народом, привел мужика, **похожего на этого медведя**'.

Определители могут содержать семы, которые помогают интерпретировать сравнение: *Мариед дене танастараиш гын, ур ден лоптрес маска гаяк улыда.* А. Мурзашев. 'Если сравнивать с мужем, вы **как** белка и **неуклюжий медведь**'. В корпусе марийского языка в качестве синонима слова *лоптрес* выступает лексема *мыжык* 'медлительный, нерасторопный'.

В конструкциях, где представлены распространители сравнений, определители привносят важную дополнительную информацию и выполняют индивидуализирующую функцию, то есть характеризуют предмет с какой-либо стороны, выделяя его признак: *Шыжымсе таза маска гай койын шинчылтеш.* В. Петухов. 'Сидит, как **здоровый осенний медведь**'; *Кöтырем маска семын пенгыжалтен, пörьен тöшак гыч кынеле.* И. Фадеев. 'Застонав, **как неуклюжий медведь**, мужчина встал с перины'.

Распространители (определения и приложения) могут пояснять причины сходства: *Эх, ўдырем, мый нимогай янык дечат ом лўд. Мый ишкежат чодыра мучко шатун маска гаяк*

коштам. М. Рыбаков. 'Я и сам хожу по лесу, **как медведь-шатун**'.

С помощью распространителей-прилагательных писатели сравнивают людей или с неуклюжим, или со здоровым, или с лохматым медведем, а при использовании распространителей-причастий основанием сравнения выступает трудолюбие или особенности поведения: *Ачажым пӧртым чоңышо маска семын сӱретлыш, аважым шӱшпыкеш ужо*. Э. Петров 'Отца он изобразил **в виде медведя**, строящего дом, а мать увидел, как соловья'; *Сандене тудо ачажым вынемыште пӧрдалше маска семын сӱретлен шындыш*. Э. Петров 'Поэтому он изобразил своего отца **в виде медведя**, валяющегося в берлоге'.

Зооморфные сравнения акцентируют признак объекта путем сопоставления с человеком. Данная функция помогает раскрыть образ героя, его внутреннее состояние, таким образом демонстрируя отношение автора к своему герою. При выражении отношения к персонажу, предмету, ситуации авторы используют эмоционально-оценочную функцию сравнений: *Нунын коклаште – Мустай, шкеже сырыше маскала коеш*. С. Г. Чавайн. 'Среди них – Мустай, сам **похожий на рассерженного медведя**'.

Рассмотрим семантические особенности и специфику репрезентации номинации *маска* 'медведь' в марийских текстах путем анализа примеров, раскрывающих культурные коды.

Конструкции, в которых объектом сравнения выступает слово *маска* 'медведь', в качестве субъекта сравнения могут быть слова, обозначающие человека, группу людей, животных, растения и явления неживой природы, также названия неодушевленных предметов, таких как строения, механизмы, одежда, тоже уподобляющиеся медведю, но в редких случаях. Подробнее рассмотрим сравнения, в которых характеризуется **внешний вид человека**. Они распределяются по группам и подгруппам.

Первая группа сравнений, указывающая на **особенности телосложения** человека, является доказательством того, что слово *маска* 'медведь' вызывает у марийцев ассоциацию с крепким существом большого размера: *Кок кугу маскала койын, Пашай поян ден Тумер арий толын шуыч*. «У вий». 'Словно два больших медведя, подошли богач Пашай и смельчак Тумер'. В данном примере с помощью сравне-

ния акцентируется внимание на росте персонажей.

Используя образ медведя, марийские писатели характеризуют и особенности частей тела. Так, например, отмечается волосатость груди: *«Тугеже пуэн ом керт»*, – Олег, *маска гай шем пуан онгышкыжо кидшым пыштен, шыргы-жалме йӧре ойла*. В. Исенекон. '«Если так, то не могу дать», – Олег говорит с улыбкой, положив руку на волосатую, **как у медведя, грудь**'.

Зооморфизм *маска* 'медведь' можно считать маркированным с точки зрения отражения в языке такого **физического недостатка**, как косолапость: *Шогыза, папиросым пижыктем... «Торешйол Потапыч» – стройышто э, маныда... мо, мый самырык лийын омыл?* Ю. Галютин. 'Постойте, я закурю папиросу... **«Косолапый Потапыч»** – Э, говорите, в строю... что, я не был молод?'.

Вторая группа сравнений указывает на **физическое состояние и физиологические особенности человека**. В традиционной культуре медведь – почитаемое лесное животное. В языческих представлениях медведи наделялись сакральным значением и соответствующим образом представлялись людьми хозяевами леса. Сакральный символизм связан с неопишуемой физической силой животного: *Але самырык, вий шуко – маскала тырша*. М. Илибаева. 'Еще молодой, сил много – **как медведь** старается'.

В то же время зооморфизм *маска* 'медведь' воспринимался в марийской культуре как обозначение животного, связанного с нелегкой лесной жизнью. Такая жизнь формирует **чувство голода**: *Вашке пашаш лектам, телым маска гай йолкопам нулен илаш тӱналам мо*. А. Новиков. 'Скоро выйду на работу, буду ли зимой, **как медведь**, лизать лапы, жить'.

Маска 'медведь' может оказаться своего рода эталоном для характеристики неторопливого, нерасторопного, неповоротливого и неуклюжего человека, его походки: *Тудо (Николай Пеньков) маскала койын тошкышт савырныш*. Н. Лекайн. 'Он (Николай Пеньков), **как медведь**, покружил, потоптался'. Вышеперечисленные качества отражаются через характеристику движения.

Лексико-семантические группы, которые определяют **характер человека**, в данной работе также распределены, по группам и подгруппам.

Далее рассмотрим сравнительные конструкции, в которых обозначение через сравнение получает психическая характеристика человека.

К первой группе относятся сравнения, указывающие на **оценочно-поведенческие характеристики человека, затрагивающие социальное поведение и взаимоотношения с окружающими**. Выделяются такие приметные и отличительные черты, как плохое, нехорошее, безобразное поведение животного: *Тудо чылт тыгакак енгымат акла: «Сай айдеме огыл, чылт маска гай соптыра – лучо мый тыгай ден келишымет...»* В. М. Рееж-Горохов. ‘Он точно так же и людей ценит: «Нехороший человек, безобразный, **как медведь** – лучше, что ль, с таким дружить...»

В марийской языковой картине мира *маска* ‘медведь’ обладает такой характеристикой, как **недружелюбие**. Это качество заложено природой и проявляется инстинктивно: *Нунат иктевесым маскала ончалыч, но кучедалаш, мыскылаш ышит тиж*. Ю. Артамонов. ‘Они тоже посмотрели друг на друга, **как медведи**, но драться и издеваться не стали’.

Вторая группа сравнений раскрывает отношение к социуму. Текстовый материал показывает, что медведь может быть идентификатором **отчужденности и одиночества**. Как известно, медведь живет в лесу и всю зиму проводит в берлоге: *Тольык вот «вес ганаже» кунам лиеш?» Маска гай чылт шкетын ила. Ялыште тынар удыр: самырыкшат, икжеж ийготанат улыт*. М. Илибаева ‘Только вот когда будет «в следующий раз»? Живет совсем один, **как медведь**. В деревне столько девушек: и молодые, и сверстницы’.

Следующая группа сравнений описывает отношение к работе (деятельности). К образу медведя писатели обращаются для того, чтобы охарактеризовать героя как **трудолюбивого**: *Каныш кечын мӱнгыштыжӧ маска гай пашам ышта*.

Н. Свистунов. ‘В выходные дни работает дома **как медведь**’.

Четвертая группа сравнений помогает писателям **раскрыть эмоции и чувства** героев. Медведь воплощает такие качества, как злость, ярость: *А вет фашистше пире дечат осалрак. – Кеч маска гай лийже!* Н. Лекайн. ‘– А ведь фашист злее волка. – Да пусть хоть будет **как медведь!**’

Заключение

Медведь – один из основных персонажей марийского фольклора. В традиционном мировоззрении марийского народа он воплощает силу, мощь, является хозяином леса. Образ медведя раскрывается в зооморфных сравнениях, которые обладают бесценной культурологической информацией и позволяют лучше понять менталитет носителей языка, их культуру.

В художественном тексте зооморфные сравнения, позволяют акцентировать внимание на ведущих чертах характера персонажа, отразить эмоциональное состояние героя, дать описание портрета человека, точно охарактеризовать действие и поведение персонажа, продемонстрировать отношение автора к своему герою.

В зооморфных сравнениях, в которых в качестве образа сравнения выступает *маска* ‘медведь’, акцентируется такое типичное качество, как трудолюбие.

Медведь дополнительно воплощает в себе и такие свойства, как неуклюжесть, нерасторопность. Авторы используют этот образ для характеристики эмоций, чаще всего негативного характера, таких как злость, ярость, недружелюбное и отчужденное отношение к социуму.

Исследование зооморфизмов имеет большой потенциал, так как в их основе лежат представления человека о характере, внешности, поведении, состоянии животного как анималистического образа, с которым сравнивается человек.

1. Шелестюк Е. В. Классификации лексем, обозначающих черты характера (на материале русского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 22–35. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-483-1-22-35>

2. Залевская Т. Е., Зекиева П. М. Лексико-семантические группы слов, характеризующие человека в русском и английском языках // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 533–535. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-299-533-535>

3. Богданова Л. И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 24–40. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-02>

4. Акматова А. Б. Зооморфные сравнения в произведениях Т. Касымбекова «Сынган кылыч» («Сломанный меч») // Гуманитарный вектор. 2019. № 1. С. 81–85. DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-1-81-85>

5. Абукаева Л. А. Компаративные модели и образы в восточномарийских величальных песнях // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 12. № 3. С. 124–130. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2018-12-3-124-130>

6. Горшунов Ю. В. Этнокультурные реалии в повести «Айбика» башкирской писательницы Хадии Давлетшиной // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 99–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-realii-v-povesti-aybika-bashkirskoy-pisatel'nitsy-hadii-davletshinoi> (дата обращения: 14.05.2025).

7. Полякова Ю. В. Компаративные модели и образы в марийских народных песнях // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 88–98. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-88-98>

8. Мокшина Е. Н. Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.) // Финно-угорский мир. 2012. №3–4. С. 97–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-medvedya-v-religioznyh-i-mifologicheskikh-predstavleniyah-fino-ugorskih-narodov-mordvy-mariytsev-udmurtov-komi-i-dr> (дата обращения: 14.05.2025).

9. Соколова М. В. Вербализация национально-культурных представлений о культе медведя в марийском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–1 (46). С. 165–168. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23068928> (дата обращения: 14.05.2025).

10. Замалетдинов Р. Р., Замалетдинова Г. Ф. О роли пословиц в исследовании национально-культурных особенностей языкового сознания // Вестник Татарского Государственного Гуманитарно-Педагогического Университета. 2010. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-poslovits-v-issledovanii-natsionalno-kulturnyh-osobennostey-yazykovogo-soznaniya> (дата обращения: 14.05.2025).

11. Маслова В. А. Русский язык как совокупность кодов: растительного, архитектурного, духовного и др. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2011. № 1–1. С. 135–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-kak-sovokupnost-kodov-rastitelnogo-arhitekturnogo-duhovnogo-i-dr> (дата обращения: 15.04.2025).

Статья поступила в редакцию 05.08.2025 г.; одобрена после рецензирования 26.08.2025 г.; принята к публикации 05.09.2025 г.

Об авторе

Полякова Юлия Владиславовна

аспирант кафедры финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5154-5674>, yulia_love95@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Shelestyuk E. V. Klassifikatsii leksem, oboznachayushchikh cherty kharaktera (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) [Classifications of personality trait lexemes (exemplified by the lexis of Russian and English)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2024, no. 1 (483), pp. 22–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-483-1-22-35>

2. Zalevskaya T. E., Zekieva P. M. Leksiko-semanticheskie gruppy slov, kharakterizuyushchie cheloveka v russkom i angliiskom yazykakh [Lexico-semantic groups of words that characterize a person in Russian and in English]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = The world of science, culture and education, 2023, no. 2 (99), pp. 533–535. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-299-533-535>

3. Bogdanova L. I. Chelovek v zerkale zoomorfnoi metafory [Man in the reflection of a zoomorphic metaphor]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, 2023, no. 2, pp. 24–40. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-02>

4. Akmatova A. B. Zoomorfnye sravneniya v proizvedeniyakh T. Kasymbekova “Syngan kylych” (“Slomannyi mech”) [Zoomorphic Comparisons in the Works by T. Kasymbekov “Syngan Kilich” (“Broken Sword”)]. *Gumanitarnyi vektor* = Humanitarian Vector, 2019, no. 1, pp. 81–85. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-1-81-85>

5. Абукаева Л. А. Компаративные модели и образы в восточномариийских величальных песнях [Comparative models and images in Eastern Mari majestic songs]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 124–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2018-12-3-124-130>

6. Gorshunov Yu. V. Ehtnokul'turnye realii v povesti “Aibika” bashkirskoi pisatel'nitsy Khadii Davletshinoi [Ethnocultural terms in the story “Aybika” by Khadiya Davletshina]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* = Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region, 2020, no. 2 (9), pp. 99–105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-realii-v-povesti-aybika-bashkirskoy-pisatel'nitsy-hadii-davletshinoi> (accessed 14.05.25). (In Russ.).

7. Polyakova Yu. V. Komparativnye modeli i obrazy v mariiskikh narodnykh pesnyakh [Comparative Models and Images in Mari Folk Songs]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* = Polylinguality and Transcultural Practices, 2025, vol. 22, no. 1, pp. 88–98. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-88-98>

8. Mokshina E. N. Obraz medvedya v religioznykh i mifologicheskikh predstavleniyakh finno-ugorskiykh narodov (mordvy, mariitsev, udmurtov, komi i dr.) [Image of a bear in religious and mythological beliefs of finno-ugric peoples (Mordovians, Mari, Udmurt, Komi, etc.)]. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World, 2012, no. 3-4, pp. 97–101. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-medvedya-v-religioznykh-i-mifologicheskikh-predstavleniyah-finno-ugorskiykh-narodov-mordvy-mariytsev-udmurtov-komi-i-dr> (accessed 15.04.2025). (In Russ.).

9. Sokolova M. V. Verbalizatsiya natsional'no-kul'turnykh predstavlenii o kul'te medvedya v mariiskom yazyke [Verbalization of national and cultural ideas about the cult of bear in the Mari Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2015, no. 4–1 (46), pp. 165–168. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23068928> (accessed 14.05.2025) (In Russ.).

10. Zamaletdinov R. R., Zamaletdinova G. F. O roli poslovits v issledovanii natsional'no-kul'turnykh osobennostey yazykovogo soznaniya [The role of proverbs in studying national and cultural peculiarities of the linguistic consciousness]. *Vestnik Tatarskogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-Pedagogicheskogo Universiteta* = Vestnik of the Tatar State University of Humanities and Education, 2010, no. 20. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-poslovits-v-issledovanii-natsionalno-kulturnykh-osobennostey-yazykovogo-soznaniya> (accessed 14.05.2025). (In Russ.).

11. Maslova V. A. Russkii yazyk kak sovokupnost' kodov: rastitel'nogo, arkhitekturnogo, dukhovnogo i dr. [The Russian language as a set of codes: plant, architectural, spiritual, etc.]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences, 2011, no. 1–1, pp. 135–138. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-kak-sovokupnost-kodov-rastitel'nogo-arhitekturnogo-duhovnogo-i-dr> (accessed 15.04.2025). (In Russ.).

The article was submitted 05.08.2025; approved after reviewing 26.08.2025; accepted for publication 05.09.2025.

About the author

Yulia V. Polyakova

Postgraduate student Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5154-5674>, yulia_love95@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.